

АКТЕРЫ

В этой довольно объемной иллюстрированной книге, недавно изданной в Венгрии, моя давняя знакомая, увлеченная исследовательница нашей культуры (в особенности кино и театра) Анна Гербер рассказывает соотечественникам о своем любимом артисте, последовательно идя по векам его биографии, по сыгранным им — на сцене и на экране — ролям. По несыгранным — тоже. Во всяком случае одной из таких несостоявшихся ролей посвящена в биографии отдельная небольшая глава.

Судьба свела Иннокентия Смоктуновского с Золтаном Хусариком, венгерским режиссером, создавшим за короткую жизнь в кинематографе (он умер в мае 1981-го в возрасте 51 года) серию выразительнейших философско-поэтических короткометражек и две (всего две, но какие!) полнометражные игровые ленты: «Синдбад» и «Чонтвари». Последняя (1980) размышляет о миссии и судьбе художника в меняющемся мире. Она названа именем замечательного венгерского живописца и рисовальщика, жившего на рубеже веков, и опирается на фак-

ты его биографии. Лента имеет и вторую сюжетную линию — она связана с нашим современником, актером Z., которого предстоящая работа над образом Чонтвари застает в момент духовного и творческого кризиса. Обе роли по первоначальному плану должен был сыграть венгерский актер Золтан Латинович, к которому Хусарик привязался с «Синдбада». Однако плану не дано было осуществиться. В 1976 году Золтан Латинович в смятении духа, на пределе нервного напряжения покончил с собой. Золтан Хусарик, оправившись от горя, вернулся спустя время к задуманному фильму и написал на титульном листе сценария (а после — во вступительных титрах ленты): «Посвящается Золтану Латиновичу». И искал, упорно искал актера, который смог бы заменить в его видении того, на кого, по существу, писались эти две роли. Следующая страница в трудно складывавшейся истории этого фильма как раз связана с Иннокентием Михайловичем Смоктуновским. Об этом — публикуемая глава.

Александр ТРОШИН.

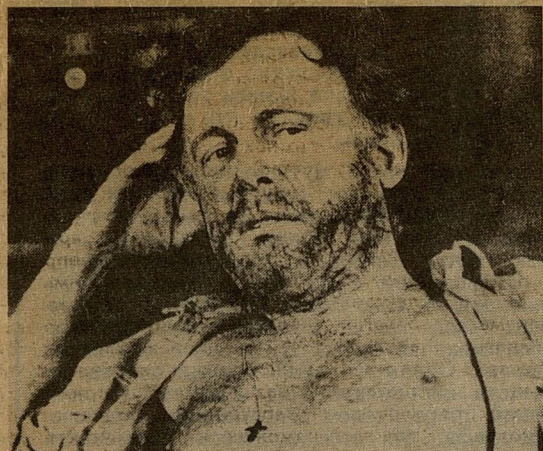
Анна ГЕРЕБ

ДЕЛО «ЧОНТВАРИ»

Мы, венгры, впервые увидели Смоктуновского воочию в спектакле «Иванов» — в 1977 году в Будапеште проходили гастроли Московского художественного театра. Успех был грандиозным — в этом мы могли убедиться, когда милицейские машины старались сдержать толпы студентов, осаждавших Национальный театр. Наши критики едва находили слова для выражения восторга.

Венгерские кинематографисты тоже проявили внимание к Смоктуновскому во время будапештских гастролей. Золтан Хусарик нашел в нем преемника актера Золтана Латиновича, идеального исполнителя роли Чонтвари. Тотчас сделали пробные съемки и прямо здесь договорились, что именно он будет играть Чонтвари и его современного alter ego, актера Z. Пресса незамедлительно подхватила эту весть.

«Вы скоро планируете сниматься в Венгрии?» —

расспрашивал актера Габор Баньяи. «Это еще не совсем улаженное дело, — отвечал Смоктуновский. — Съемки за границей всегда сопряжены с трудностями. Вместе с тем я очень хотел бы, чтобы эта работа осуществилась, ведь уже по прочтении сценария я начал к ней готовиться. Привлекательным для меня делает фильм и загадка, почему именно мне, русскому актеру, хотя бы доверить эту глубоко венгерскую роль».

Журналистка Юлия Бало беседовала с актером и режиссером после пробных съемок.

«Хусарик. Фильм о Чонтвари, сценарий которого написал Иштван Часар, я посвящаю памяти Золтана Латиновича. Мы думали о нем уже тогда, когда оформлялся замысел фильма».

Смоктуновский. На одном кинофестивале я встретился с Золтаном Латиновичем и мы много разговаривали. Для меня было радостью увидеть «Синдбад» и короткометражные фильмы. Так я познакомился с Золтаном Хусариком и меня по-настоящему увлек его творческий стиль.

Хусарик. Надеюсь, вас не испугали пробы, эти две абсолютно противоположные по звучанию сцены.

Смоктуновский. О вас говорят, что вы работаете в тишине, медленно, терпеливо, подобно художнику или скульптору. Я тем более обратил на это внимание, что меня уже часто утомляет — думаю, дает о себе знать мой возраст — та податливость, которой режиссер добивается от меня».

Актриса Анна Надь в течение двадцати минут была партнершей Смоктуновского на пробах «Чонтвари». Двадцать минут сплошного переживания. «Золти, Золти Хусарик, поднял всех на ноги: приходите, мол, на пробные съемки, потому что у нас будет Смоктуновский. Я немедленно пошла смотреть «Иванова». Мне он нравился в фильмах, но в «Иванове» Смоктуновский меня просто пленил. Мягко, без шума он вы-

шел на сцену, долгое время не произносил ни слова, но я все же не могла отвести от него глаз. На другой день нас повезли на студию. Руки и ноги мои дрожали. Первым впечатлением было, что он восхитительно красив, настоящий благородный господин. Андрей Болконский и князь Мышкин вместе взятые. Он заметил, как я волнуюсь, и спросил, почему. Я сказала, что накануне видела его в «Иванове», поэтому волнуясь. И что хотела бы его поздравить и так далее. Завязался разговор. Смоктуновский оказался чрезвычайно простым, естественным и непринужденным, не только со мной — со всеми.

В гримерную вошел Золи. Он принес Смоктуновскому большой альбом Чонтвари, о котором актер до этого никогда не слышал. Но каким-то образом почувствовал в нем родственную душу и моментально понял, что должен делать. Золи оставалось только объяснить Смоктуновскому конкретную ситуацию и обсудить грим. Сцена была всего в несколько слов и в фильм, в конечном итоге, вошла в совершенно ином виде. Актер Z. и его жена «выясняют отношения» в бедном жилище мужчины. Смоктуновский скинул свои ботинки, оставшись в носках, на которых был виден товарный ценник, и прилег на кушетку так, как только способен был тот некто Z. или Чонтвари. В кульминационный момент сцены я должна была произнести что-то вроде этого: «Я не обманывала тебя», на что Z. должен был ответить: «Нет... не обманывала...». Смоктуновский говорил по-русски, а я, хоть и не понимала русского, знала, что он говорит, знала его последние слова. На пробах я чувствовала, что нельзя играть, нельзя прибегнуть ни к каким актерским ухищрениям, ни к каким приемам, потому что это сразу разоблачит. Из него же чувство так и лилось само собой. После реплики, произнесенной мною дрожа, несмело, он посмотрел на меня своими удивительными глазами, в них были сострадание и сочувствие, затем поднял руки, приблизил их к моему лицу, обхватил мою голову и сказал: «Нет... не обманывала», на что я, огуленная, простонала (уже по-русски): «Нет». Электрическая цепь замкнулась.

В машине по дороге домой он хвалил меня, и этого было достаточно, чтобы дать мне силы на долгое время. У «Рояля» его высадили первым. Выйдя из машины, он кивнул мне. И тут я увидела, что глаза его сверкнули. Быть может, и у меня оттого же слезились глаза, быть может, мы оба думали об одном и том же: возможно, больше не встретимся, продолжения не будет, не будет больше проб. Мы это чувствовали».

И РОЛИ

События развивались быстро. В январе 1978 из сообщения московского корреспондента газеты «Мадьяр Немзет» Дюлы Ловаша мы узнали, что в течение двух недель руководители съемочной группы находились в Советском Союзе. Вечером, накануне возвращения домой, в московской гостинице «Интурист» еще раз встретились — уже для окончательного договора — Золтан Хусарик и Смоктуновский. «Наши визит имел две цели, — сказал Хусарик журналисту. — Во-первых, мы хотели проглядеть вместе некоторые мотивы, которые, по нашему представлению, могут войти в сценарий, во-вторых, после будапештских проб в конце прошлого года мы хотели теперь уже более конкретно обсудить все вопросы с артистом, которого пригласили на главную роль. По моему ощущению, наша поездка с обеих точек зрения была успешной. Наши будущие советские партнеры принимали нас с большой любовью. И я еще больше уверился в том, что в Смоктуновском мне удалось найти Чонтвари. Я уже давно его знаю, и, видя, сколь необычайно многообразны, сложны его актерские средства, подумал о совместной работе».

Во время переговоров у нас была возможность обсудить будущий фильм и воплощение образа Чонтвари. Мы обсудили и сроки, ведь фильм о Чонтвари — совместная работа, рассчитанная на длительное время. Съемки охватывают четыре времени года».

В заключение Золтан Хусарик сказал венгерскому корреспонденту: «Наши нынешние переговоры с представителями советских киноорганизаций существенно приблизили начало съемок. Если последние формальные вопросы будут разрешены, мы сможем, надеюсь, как и планировалось, где-то 20 марта приступить к съемкам фильма».

Смоктуновский с большим воодушевлением готовился к этой трудной роли, высвобождал себя на целый год. Отклонял все другие предлагавшиеся роли и договорился с Олегом Ефремовым, что не будет участвовать в «Трех сестрах».

Золтан Хусарик был увлечен, был счастлив. «Демонический Чонтвари!» — кричал он на съемках проб, которые проходили в необыкновенно живой творческой атмосфере. Фотограф Ференц Маркович вспоминает, как они импровизировали, поощряя фантазию друг друга. Хусарик с наслаждением наблюдал за артистом, а в конце попросил его: скажите, если вам что-то не нравится в нашем видении, если чувствуете, что-то неточное, психологически неубедительное. Смоктуновский предложил свои изменения. Хусарик нравилась его горячая активность, он предоставил актеру возможность свободно фантазировать.

У оператора Петера Янкуры было впечатление, что Смоктуновский счастлив, получив такую роль. Несмотря на усталость, он был все же весел, в хорошем состоянии духа. «Глаза его отражали интенсивную

внутреннюю жизнь, сияли. Он был таким Чонтвари, который, что бы с ним ни случилось, как бы он ни страдал, всегда оставался симпатичным, притягательным. А образу современного актера он сообщил бы величие, гениальность. Надо искренне признать, что это в конце концов ушло из осужденного фильма, потому что только он или Латинович были способны на такое».

Письмо от Госкино СССР, которое дало бы старт этой совместной работе, так и не прибыло в Будапешт. Вместо него пришел телек. Хорошо было бы, говорилось в нем, если бы венгры поискали кого-нибудь другого. Если бы Смоктуновский играл в фильме, полном намеков, в котором жизнь художника переплетается с судьбой современного актера, ставшего самоубийцей, это бросило бы нежелательный свет на Смоктуновского. Советский артист, дескать, не может играть в таком мучноватом и пессимистичном фильме.

Хусарик, уже во второй раз оставшийся без главного исполнителя, чтобы осуществить основательно подготовленный дорогой фильм, в отчаянии бросился на больше других подходившего «славянского» актера — болгарина Исхака Финци, который мог заключить договор на год.

Именно болгары тем временем не оставили без работы и Смоктуновского. «Вообще-то я должен был сниматься у вас на родине, — сказал он в конце 78-го года венгерскому журналисту Ласло Далосу. — К сожалению, по причинам, от меня не зависящим, это не смогло состояться. Тогда я принял приглашение болгар». Он мог спокойно поехать в Болгарию «на работу с отдыхом», со всей семьей, поскольку и в театре, кроме «Иванова», у него тогда не было никакого другого дела.

Перевел с венгерского
Александр ТРОШИН.